

Лариса Михайловна Аржакова

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32 А. E-mail: larjak@mail.ru

«Папка Станьчика»: рефлексия и/или политическая программа краковских консерваторов

«Папка Станьчика» (*Teka Stańczyka*) — памфлет, написанный группой «молодых» краковских консерваторов, является одним из ключевых польских источников эпохи смены идеологических ориентиров, когда после тяжелых поражений польских восстаний 1830 и 1863 г. польское общество — не без сомнений и колебаний — пришло к выводу о необходимости перемен. Тяжелый процесс переосмысления своего прошлого — как давнего, в бытность Речи Посполитой, так и недавнего, полного надежд и глубоких разочарований — привело так называемых краковских консерваторов к мысли о необходимости сосредоточить усилия на «органической работе» ради подъема польской экономики и культуры, воспитания польского народа в патриотическом духе. В конечном счете, проведенная «работа у основ» должна была составить фундамент для возрождения обновленной Польши. Призывами отказаться от повстанческих идеалов, проявить лояльность по отношению к австрийскому престолу ради успеха польского дела насыщено содержание «Папки Станьчика». Однако памфлет, написанный в жанре политической сатиры, современниками был воспринят по-разному, в том числе болезненно. Авторами выступили польские интеллектуалы — Ю. Шуйский, С. Козьян, С. Тарновский, Л. Водзицкий, на счету которых немало других сочинений, изучением их творческого наследия, многие сюжеты которого тесно переплетены с ключевыми идеями, заложенными в «Папке Станьчика», успешно занимается польская историография. Российская историография краковского консерватизма выглядит гораздо скромнее, но постепенно расширяет направления исследований, в контексте которых свое место должно занять декодирование текста «Папки Станьчика».

Ключевые слова: Галиция, Краковская историческая школа, станьчики, историческая память, полонизация, лоялизм, угода, органический труд

Цитирование: *Аржакова Л.М.* «Папка Станьчика»: рефлексия и/или политическая программа краковских консерваторов // Центральноевропейские исследования. 2020. Вып. 3(12) / гл. ред. О.В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 165–187. DOI: 10.31168/2619-0877.2020.3.8

Если заявленное название статьи воспринимать как вопрос, то на него — пусть осторожно — сразу можно дать ответ: «Папка Станьчика» есть рефлексия и политическая программа краковских консерваторов одновременно. Большого противоречия в таком варианте ответа нет, правда, и без комментариев не обойтись, тем более что предложенное в названии сочетание «и/или» содержит повод с особым вниманием, помимо прочего, отнестись к идейному/идеологическому контексту, сопутствовавшему источнику.

*Teka Stańczyka*¹, или «Папка Станьчика» — памфлет, написанный совместно Станиславом Козьяном (1836–1922), Станиславом Тарновским (1837–1917), Юзефом Шуйским (1835–1883) и Людвиком Водзицким (1834–1894), вышедший в 1869 г. на страницах ими же инициированного ежемесячного издания *Przegląd Polski* («Польское обозрение»). В современной литературе иногда справедливо ведут речь о серии памфлетов², поскольку состоявшее из двадцати так называемых писем Станьчика сочинение печаталось на протяжении нескольких месяцев (с мая по декабрь). Группа молодых краковских консерваторов, во многом продвигаясь по стопам старшего поколения (Адам Потоцкий (1822–1872), Павел Попель (1807–1892)), верноподданнические воззрения которых выплескивались в газете *Czas* («Время»), вызывая протест даже у весьма чуждой радикализму польской эмиграции, сплотившейся вокруг парижского отеля *Lambert*³, тем не менее выработала — и постепенно сформулировала — собственную позицию. Развивая начатое предшественниками в духе консервативной идеологии лоялистского толка, группировка станьчиков сумела успешно апробировать свою теорию лоялизма на практике.

Но, прежде чем обратиться к самому памфлету, несколько слов надо сказать о состоянии российской историографии (по совокупности причин интересующей нас в большей мере) и других сюжетах, позволяющих реконструировать атмосферу, в которой складывалась и развивалась идея «Папки Станьчика». Можно признать, что как в старой, так и в новой отечественной литературе политическая группировка станьчиков в целом, а также «Папка Станьчика» как своего

¹ Здесь используется оттиск из журнала: *Teka Stańczyka*. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1870.

² Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 115.

³ Фрейдзон (ред.) 1981: 190–191.

рода программный документ явно не были избалованы вниманием исследователей, хотя, констатируя это, нельзя пройти мимо смягчающего, так сказать, обстоятельства. Это обстоятельство было отмечено авторами одной из давних монографий, посвященных истории политического возрождения Галиции, обратившими внимание на то, что во всех отношениях любопытный эпизод польской истории XIX в., связанный с жизнью Галиции (подразумевая период 1859–1873 гг.), фактически выпал из поля зрения современной им польской историографии. Авторы монографии, среди которых был и будущий наместник Королевства Галиции и Лодомерии видный польский историк Михал Бобжиньский (1849–1935), объяснили подобное небрежение достаточно просто, а именно — определенным затишьем, в котором тогда пребывала Галиция, где не наблюдалось «ни вооруженной борьбы, ни трагических, потрясающих чувства катастроф»⁴.

Не приходится удивляться, что если галицийские дела, при всей их, по словам именитых польских авторов, «самобытности и привлекательности»⁵, до поры до времени оставались в тени научных интересов польской историографии, то в российской историографии XIX в. галицийские мотивы тем более звучали достаточно слабо. Хотя о Галиции, конечно, помнили, и в отечественной литературе писали, — Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885), Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872), Александр Львович Погонин (1872–1947) и др. Что касается советской и новой российской историографии, то краковским консерваторам и галицийским сюжетам в польской истории XIX в. традиционно отводилось место в капитальных трудах обобщающего характера⁶, где, в частности, детально была охарактеризована идейно-политическая борьба между краковскими консерваторами и львовскими демократами⁷. Но все-таки, когда речь заходила о судьбах разделенного польского народа, на первый план выступал «роковой» польский вопрос, в советской историографии органично переплетенный с русско-польскими революционными связями⁸.

⁴ Bobrzyński, Jaworski, Milewski 1905: v.

⁵ Bobrzyński, Jaworski, Milewski 1905: v.

⁶ Фрейдзон (ред.) 1980: 150–166, 463–472; Фрейдзон (ред.) 1981: 190–202, 260–276, 390–395; Фалькович (ред.) 2001: 224–305.

⁷ Фрейдзон (ред.) 1981: 190–202.

⁸ См., например: Дьяков (ред.) 1962; Миллер (ред.) 1976.

На приверженности российских авторов к разработке этой проблемы сказывалось то, что польский вопрос (*kwestia polska*), время от времени переходивший в стадию вооруженного конфликта, трансформировался в польское дело (*sprawa polska*)⁹, заодно провоцируя ментальное русско-польское столкновение и обнаруживая сохранявшееся русско-польское соперничество, укорененное столетиями. Польский вопрос будто уже одним фактом своего существования определял то значение, какое приобрел для русского общества и литературы XIX в., затмевая многие иные боли и трудности, с которыми сталкивалась Российская империя. На самом деле, учитывая, что после создания в 1815 г. автономного Королевства Польского¹⁰ Петербургу довелось нести бремя владения значительной частью земель бывшей Речи Посполитой (включая столицу), польский вопрос, периодически выходя на международную арену, прежде всего под давлением самих польских деятелей¹¹, в основном все же оставался внутренней проблемой Российской империи, иногда переживая состояние, так сказать, «брака по расчету» между династией и польской шляхтой Царства», которая отчасти могла рассчитывать на весомые уступки со стороны правительства, но только исключительно «в качестве награды за лояльность»¹².

Согласившись со смысловой нагрузкой предложенного А. И. Миллером и М. Д. Долбиловым тезиса, что существенные уступки польской шляхте могли стать лишь наградой «за лояльность», в то же время получаем повод остановиться на соотношении оттенков такого распространенного понятия, как лояльность — и такого менее распространенного понятия, как «угода» (*ugoda*), то есть примирение/соглашение.

Известно, что несмотря на активную деятельность так называемой аристократической партии во главе с Анджеем Замойским (1800–1874) и Томашем Потоцким (1809–1861), на пророссийскую

⁹ Аржакова 2016; Walicki 2002.

¹⁰ *Королевство Польское* — наименование, соответствующее польской государственно-правовой и историографической традиции. Называлось либо Королевством Польским, либо — Конгрессовым (*Kongresowym*), чем подчеркивалось: своим созданием оно обязано решениям Венского конгресса (1815). Согласно российской традиции, обычно именуется Царством Польским (в том числе в отечественной историографии), то есть соответственно титулатуре правителя в Российском государстве.

¹¹ См., например: Фрейдзон (ред.) 1981: 198–201, Каштанова 2016: 383–460.

¹² Долбилов, Миллер 2007: 129.

во многом, если использовать хрестоматийные определения, позицию маркиза Александра Велёпольского (1803–1877)¹³ (которая в действительности была гораздо сложнее, чем любой термин, призванный передать ее суть), лояльность поляков по отношению к власти в Российской империи не вышла на уровень твердой идеологической платформы. В свое время угодовец¹⁴ Владимир Данилович Спасович (1829–1906) охарактеризовал Велёпольского как «человека гениального ума и титанической силы характера», получившего «от русского правительства широкие полномочия на переустройство Царства Польского, но не в подходящий момент», акцентируя при этом, что тот «очутился один против национального движения, которое его и снесло в 1863 году». Спасовичу, со свойственным его историческим писаниям либеральным духом, оставалось лишь с сожалением признать: «Оказалось впоследствии, что он был прав, а заблуждалась нация»¹⁵. И на самом деле, нация упорно не желала слышать, и тем более принимать как руководство к действию заявление Велёпольского, что восстановление самостоятельного Польского государства (пусть в виде политического объединения с Россией) «легче сделать под сенью русского орла и на почве общеславянского единения»¹⁶.

Спасович, судя по всему, не слишком преувеличивал, когда говорил, что Велёпольский «очутился один против национального движения». Достаточно вспомнить, какой ответ получил ставленник маркиза молодой архиепископ Варшавы З. Фелиньский, внушавший в 1862 г. прихожанам костела Св. Яна (дабы остановить разрастание в польском обществе национального протеста), что «власть услышала желания ваши»: «Когда Вы говорили нам речь, в храме не было ни одного человека, кто бы разделял Ваши взгляды», прихожане не преминули осудить архиепископа и за то, что он «верит царю и Велёпольскому»¹⁷.

Так что искренней, последовательной лояльности польской шляхты царскому престолу, пожалуй, не было. Во всяком случае, вряд ли можно напрямую сравнивать носившую ограниченный

¹³ См. например: Фалькович (ред.) 2016: 697–704.

¹⁴ *Угодовцы* – сторонники польско-русского примирения (или соглашения), то есть «угоды», в Российской империи.

¹⁵ Спасович 1913: без пагинации.

¹⁶ Фалькович (ред.) 2016: 358.

¹⁷ Цит. по: Фалькович (ред.) 2016: 364.

(преимущественно частный, нередко преследующий соответствующую выгоду) характер лояльность «русских» поляков с лояльностью австрийского, если можно так выразиться, образца. В Российской империи речь шла не столько о лояльности как таковой (верности, преданности) польского общества династии Романовых, сколько всего лишь об «угоде» (примирении/соглашении) с правящей династией, жестоко подавившей восстания поляков 1830 и 1863 г.

Иначе говоря, лояльность «австрийских» поляков и «угода» (включая избирательную лояльность) поляков «русских» — понятия друг другу совсем не тождественные, поскольку обозначают совсем не тождественные состояния. Российская ситуация в этом смысле сильно отличалась от ситуации в Австрийской монархии, где лояльность стала следствием горького опыта 1846 г. и тяжелого переосмысления событий 1848 г., что вместе взятое подготовило почву для широкого внедрения лоялистской идеологии, а затем практического распространения «органической работы» и участия поляков в институтах имперской власти. Вне зависимости от того, что, как в случае лояльности русскому престолу, так и в случае преданности австрийскому престолу в конечном итоге подразумевалось восстановление Польши (в той или иной мере) как практический результат верности чуждой власти, чаша весов для разделенного польского общества склонялась в пользу Вены «как защитницы поляков от царизма»¹⁸.

Лояльность «австрийских» поляков (от идеи до реализации), вознагражденную автономией и возможностью широкой полонизации Галиции¹⁹, трудно сравнивать с «угодой» поляков «русских» с царским престолом еще и потому, что отнюдь не сразу наметившееся примирение (соглашение) стало следствием поражения двух Великих польских восстаний, окончательно уничтоживших исходную автономию Королевства Польского. В известной степени лояльность Вене — выражавшая, в том числе, верность католицизму — для поляков означала едва ли не единственную возможность противостояния, даже больше — противодействия, панславизму (идея и воплощение которого в глазах поляков были неразрывно связаны с Россией) и пангерманизму²⁰.

¹⁸ Фрейдзон (ред.) 1981: 198.

¹⁹ Kieniewicz 2002: 298, 301–302; Фрейдзон (ред.) 1981: 201.

²⁰ См., например: Фалькович 1995, Фалькович 2002, Фрейдзон (ред.) 1981: 201.

Вместе с тем в таком смысловом контексте неизбежно возник щекотливый вопрос, не дававший покоя станьчикам и, в частности, историку и публицисту Ю. Шуйскому, который не раз к нему обращался: как быть с москвофильством русинов, с их явной склонностью к панславизму? Ради успеха польского дела так называемый русский вопрос, стоявший на повестке дня, поляки тесно увязали с просвещением, необходимость распространения которого в Восточной Галиции привела краковских консерваторов к «внутренней эволюции, обусловившей их постепенное сближение с позицией восточногалицийских консерваторов»²¹. При этом Ю. Шуйский и его единомышленники в полной мере сознавали, что политику, ориентированную на национальное развитие, они могли реализовать, только опираясь на Австрию, у которой был тот же враг, что и у поляков, — и врагом этим была Москва. Шуйский безапелляционно заявлял:

На протяжении пяти веков нашим врагом была Германия, сейчас — только Москва. Москва, говорю я и повторяю, поскольку только Москва одержима безумной миссией, на пути исполнения которой стоит Австрия²².

Трудно не заметить, что, разъясняя соотечественникам суть текущего момента, Шуйский говорил о «Москве», а не о «Петербурге», будто напоминая о «старом споре» двух соседей-соперников, разобраться в причинах которого так же трудно, как понять истоки «застарелой вражды двух семейств, испокон веков живущих на одной улице <...> и корни здесь уходят куда глубже двух последних веков»²³. Тем самым историк повысил степень исходящей от Российской империи угрозы, одновременно — и, скорее всего, невольно — снижая степень угрозы панславизма. Восприятие России как врага Польши оказалось гораздо шире (и рангом выше), чем вызывавший у многих поляков опасение панславизм, который следует рассматривать как составную часть этого обобщающего понятия «враг» — применительно к Москве (Петербургу). Есть немало оснований согласиться с тезисом, сформулированным в свое время либерально настроенным Александром Николаевичем Пыпиным (1833–1904): «Опасности

²¹ Głuszko 2007: 40–41.

²² Цит. по: Głuszko 2007: 44.

²³ Цит. по: *Милош Ч.* Родная Европа. М.: Летний сад; Вроцлав: Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака-Езёранского, 2011. С. 119–120.

панславизма” — только политическая уловка, за которой скрывается просто вражда к России»²⁴.

Пристальное внимание к тому, как развивалась ситуация в польских землях под властью России, совсем не гарантировало петербургским угодовцам понимания и сочувствия среди соотечественников за пределами империи Романовых, в глазах которых угодовцы воспринимались едва ли не соучастниками проводимой ею политики. По-своему логично, что подобный скепсис в отношении угодовцев (ряды которых нередко пополнялись умеренными либералами), свойственный «разобранному на части» польскому народу, отразился на характеристике угодовцев в позднейшей польской историографии. Можно, например, вспомнить об упреке, брошенном сторонникам «угоды» за то, что те всего лишь провозгласили ее, но оказались не способны выработать самостоятельной идеологии²⁵. Правда, единства мнений по этому поводу в польском научном сообществе все-таки нет. Встречаются крайности, как, допустим, готовность (вызывающая недоумение многих коллег) причислить к группировке станьчиков А. Велёпольского²⁶.

В то же время трудно согласиться и с позицией А. Яшчука, который не принимал во внимание, что консерватизм петербургской газеты *Kraj* («Край»), основателями которой были Эразм Пильц (1851–1929) и В. Д. Спасович, по ряду развивавшихся на страницах издания направлений можно сопоставить с пропагандируемым консерватизмом польских лоялистов в империи Франца Иосифа I (1848–1916 гг.). Достаточно сказать, что идея «органической работы», заложенная в фундамент консервативной идеологии краковских консерваторов, которая, безусловно, принесла впечатляющие плоды²⁷, в равной мере признавалась основой практической деятельности петербургских угодовцев и варшавских позитивистов, поддерживавших лозунг «работы у основ». Не было особых расхождений между краковскими лоялистами и петербургскими угодовцами и по Январскому восстанию. Если Ю. Шуйский как рупор группировки станьчиков сформулировал свое строго критическое отношение

²⁴ Пытин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем: 1878, 1913, 2002. М.: Граница, 2002. С. 148.

²⁵ Jaszczuk 1986: 64–65.

²⁶ Dutka 2015: 26.

²⁷ См., например: Dybiec 2004: 103–136, 137–189.

к польскому восстанию 1863 г. только в «Папке Станьчика» (наконец, солидаризировавшись по этому поводу с изначально критически настроенным П. Попелем)²⁸, то угодовец В. Д. Спасович выразил аналогичное по смыслу мнение еще в 1865 г.

Спасович тогда с горечью признал, что «на оба взрыва (восстания 1830 и 1863 гг. — Л. А.) потрачено непроизводительно множество живых сил, которые пригодились бы на иное дело»²⁹. С его точки зрения, взрывы эти представляли собой «весьма назидательный не только для народа польского, но и для всех других, пример того, как гибельны могут быть увлечения одним исключительным и односторонним патриотизмом, если этому патриотизму приносятся в жертву общечеловеческие интересы, справедливость, истина, цивилизация»³⁰. Так что польское консервативное движение (при всей условности этого определения), несмотря на разницу обстоятельств, сопутствовавших формированию идеологических постулатов, придерживалось примерно одинаковых ориентиров и развивалось примерно в одном направлении — как в Австрии (Австро-Венгрии), так и в России. В какой-то мере данное утверждение сродни справедливому замечанию, что якобы «консерватизм был исключительно носителем государственной идеи, а национализм идеи национальной. Такой подход является большим упрощением как результат создания идеальных типов — консервативной концепции нации и государства»³¹.

Расхождения между версиями польского консерватизма (здесь надо также вспомнить об угодовцах варшавских) преимущественно были обусловлены контекстом, в котором эти версии себя проявляли, а также результатами их деятельности, соответствовавшей (либо не вполне соответствовавшей) исходной теоретической модели. Помимо прочего, всегда приходится учитывать, насколько условными, подвижными бывают границы, разделяющие, порой даже мнимо разделяющие, то или иное идейно-политическое направление либо течение в обществе, перманентно пребывающем в состоянии выбора своего будущего, но еще не решившем, как быть с прошлым. Всегда условной оказывается и историографическая картина прошлого, как это

²⁸ Dziadzio 2007: vi.

²⁹ Пыпин, Спасович 1865: 456.

³⁰ Пыпин, Спасович 1865: 456.

³¹ Paczos 2009: 10.

произошло в польской историографии (и точно подмечено польским историком Д. Шимчаком), которая активно интересовалась галицийской автономией, а не «мрачной» эпохой абсолютизма³², учитывая, согласно вердикту З. Фраса, что «итог первого, восьмидесятилетнего, периода австрийского владычества был однозначно негативным»³³.

Так или иначе, в Польше за прошедшие десятилетия (после отмеченного в монографии 1905 г. наблюдения) сложилась солидная историография вопроса, даже краткий обзор которой представлял бы собой решение специальной задачи. Опираясь на накопленный опыт, в польской исторической науке (вполне традиционно) продолжается детальное изучение творческого наследия краковских консерваторов. Интенсивно переиздаются труды приверженцев польской консервативной идеологии, в частности, в серии «Библиотека классики польской политической мысли» (*Biblioteka klasyki polskiej myśli politycznej*)³⁴, анализируется их деятельность в рамках галицийской автономии³⁵, воспринимаемой как оплот возрождения польской нации.

Особо следует отметить, что в 2007 г. впервые было предпринято научное, критическое издание «Папки Станьчика»³⁶. Автор введения, предшествующего публикации источника, всецело проникшись атмосферой, в которой оказались издатели *Przegląd Polski*, они же — авторы памфлета, спешил донести до читателей суть развернувшейся тогда антистаньчиковской кампании, разделившей общество на два лагеря — «за» и «против». Правда, М. Бобжиньский в свое время подчеркнул, что расхождения на уровне «либо чувства, либо рассудок» стали проявляться в польском обществе, по крайней мере, с начала XIX ст., так что совсем не «Папка Станьчика»³⁷ тому виной. На протяжении долгого времени, по мнению историка, «безусловный перевес был на стороне чувства, но, в конце концов, после страшного опыта, после катастрофы 1863 г., настало время, когда только рассудительность могла спасти народ, измученный поражениями»³⁸.

³² Шимчак 2017: 4.

³³ Цит. по: Шимчак 2017: 4.

³⁴ См., например: Koźmian 2001, Bobrzyński 2001, Tarnowski 2002, Kalinka 2001.

³⁵ См., например: Szlachta 2000, Paczos 2009, Dziadzio 2016, Wardzińska 2017, Kałabunowska 2017.

³⁶ Dziadzio 2007.

³⁷ Bobrzyński 2001: 153.

³⁸ Bobrzyński 2001: 153.

Что же предъявляли авторам «Папки Станьчика» их оппоненты? Современный польский историк решил заострить на этом внимание, одно за другим перечислив мнимые прегрешения Шуйского, Тарновского и компании. Во-первых: «по убеждению многих, склонность станьчиков к мистификации действительности была их основным грехом, который дал о себе знать в “Папке Станьчика”»; во-вторых, «общественное мнение покоробил тот властный тон, с которым авторы памфлета рассуждали о многих вопросах галицийской общественной жизни»; в-третьих, станьчики, по мнению их обеспокоенных оппонентов, «на ментальном уровне разделяли принципы либеральной демократии, а в практической деятельности считали их препятствием для реализации единственно верной программы», и, наконец, в-четвертых, «тональность их публицистики все больше приобретала черты академического менторства и интеллектуального превосходства»³⁹, что многим явно претило.

Попутно отмечу, что все это, признаться, живо напоминает ситуацию, в какой позднее оказался сам Михал Бобжинский, один из лидеров Краковской исторической школы, близкий к группировке станьчиков, когда в 1879 г. вышла его монография «Очерк истории Польши» (*Dzieje Polski w zarysie*). Ставшая «делом всей его жизни», эта книга, по свидетельству Кароля Эстрейхера (1827–1908), была написана в 1877 г. буквально за несколько месяцев⁴⁰. Впоследствии Николай Иванович Кареев (1850–1931) — свидетель развернувшейся кампании против своего уважаемого польского коллеги — вспоминал, что книга Бобжинского

за резко отрицательный взгляд на прошлое Польши вызвала массу нападок на автора как человека, “марающего родное гнездо” и чуть ли не подкупленного московскими рублями⁴¹.

Российская историография польского консерватизма (включая знаменитый памфлет) тоже претерпевает изменения, но постепенно, хотя в последние годы — главным образом стараниями М. А. Булахтина⁴² — так называемые краковские консерваторы в определенной

³⁹ Dziadzio 2007: xiii.

⁴⁰ Bernacki 2001: xi.

⁴¹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. С. 170.

⁴² Булахтин 2006; Булахтин 2007; Булахтин 2008; Булахтин 2009.

мере оказались выведены из тени. «Папка Станьчика» в этом смысле пока осталась в стороне.

Возникает вопрос, чем объяснить слабое, фрагментарное внимание к памфлету в российской историографии, главное действующее лицо которого буквально завораживает, детально и красочно передает разное, но всегда эмоциональное восприятие прошлого создателями памфлета. Не исключено, что причина некоторой отстраненности от «Папки Станьчика» в российской научной литературе кроется в том, что стержневые идеи памфлета были широко растиражированы (по Е. Топольскому, это случай внеисточникового знания⁴³), известны каждому, кто был знаком с основными идейными постулатами группировки станьчиков. Но это, замечу, лишь одно из объяснений.

В поисках других вариантов ответа так же, как и раньше, можно обратиться к польским ученым. Минуло столетия после упомянутой книги 1905 г., прежде чем в Польше в 1951 г. увидела свет монография⁴⁴ о «Папке Станьчика». Правда, автором выступил не историк, а известный специалист в области литературоведения К. Выка. Рецензируя новинку, знаменитый польский историк Стефан Кеневич (1907–1992), конечно, не мог не отметить этого несколько смутившего его обстоятельства, признавшись, что книга «пробуждает в историке легкое чувство стыда»⁴⁵. Рецензент отозвался о монографии с одобрением и благодарностью, подчеркнув, что автор не только со знанием дела проанализировал памфлет как литературное произведение, но и всесторонне охарактеризовал широкий социально-экономический и политический контекст, в котором возникло это сочинение, — у самих же историков, посетовал Кеневич, руки до такой работы пока не дошли⁴⁶.

Впрочем, никак нельзя сказать, что «Папка Станьчика», как и сам Станьчик, не вызывали интереса у польских историков и литераторов до монографии К. Выки: достаточно вспомнить биографию Станьчика, написанную Ю. Крашевским, по краскам и образности сопоставимую с портретом Станьчика кисти Яна Матейки (1838–1893). Разве что проявляемый интерес до поры до времени не выходил за известные

⁴³ Topolski 1968: 269.

⁴⁴ Wyka 1951.

⁴⁵ Kieniewicz 1951: 463.

⁴⁶ Kieniewicz 1951: 464.

рамки, если подразумевать не вполне изученный — когда Кеневич писал свою рецензию — контекст, который, безусловно, оказал влияние на содержательное наполнение памфлета. С тех пор литературы о «Папке Станьчика» значительно прибавилось⁴⁷. Стоит также сказать, что одним из первых, кто — пусть не сразу — откликнулся на памфлет, особенно заинтересовавшись его главным героем, был М. Бобжиньский, тесно связанный с соавторами памфлетами «интеллектуально и политически»⁴⁸. 24 февраля 1883 г. историк выступил с публичной лекцией, которая так и называлась — «Станьчик» (*Stańczyk*). Правда, как позднее отметил знаток польской литературы Ю. Кшижановский, несмотря на проведенные архивные исследования:

[Бобжиньский] не расширил наших знаний о Станьчике — шуте Сигизмунда I, — короче говоря, после очерка Бобжиньского нам известно столько же, что и до очерка, то есть почти ничего⁴⁹.

На протяжении долгого времени нечастые упоминания о «Папке Станьчика» в нашей литературе были вполне нейтральные. Например, подчеркивалось, что авторы памфлета, «стремясь направить весь помещичий класс по пути сотрудничества с Габсбургами, предостерегали от патриотических манифестаций, пугали угрозой крестьянского восстания». Звучало это вполне в духе времени. Без какого-либо комментария утверждалось, что в памфлете «австрийская власть изображалась законным продолжением польской государственности, а Франц Иосиф — наследником польских королей», в целом же памфлет расценивался как демагогическое выступление⁵⁰. В новейшей литературе тональность и риторика в отношении «Папки Станьчика» несколько изменились. Попутно замечу, что более предпочтительным все-таки кажется употребление единственного, а не множественного числа, то есть памфлет. Единственное число в данном случае усиливает восприятие внутреннего — как идейного, так и эмоционального — единства сочинения, не по своей воле разбитого по отдельным журнальным книгам...

Итак, читаем, что в памфлете «резкой критике и осмеянию» подверглись активисты «Январского восстания, последствия которого

⁴⁷ Подробнее об этом: Dutka 2015: 77.

⁴⁸ Vernacki 2001: xix.

⁴⁹ Цит. по: Bobrzyński 2001: xxxvii.

⁵⁰ Фрейдзон (ред.) 1981: 200.

для польского народа были весьма печальны»⁵¹. Признаться, затруднительно поставить на одну доску два этих эпитета — осмеяние и печаль, даже если им на смену приходит спасительный вывод, что, мол, «вооруженные формы борьбы изжили себя и настал период <...> каждодневной рутинной работы, направленной на укрепление материальных и духовных сил народа»⁵². Не самое удачное словоупотребление, и это понятно. В двух словах передать содержание «Папки Станьчика», ставшей для ее авторов итогом долгих, мучительных размышлений, вряд ли возможно. Привести эту цитату, которой в основном и ограничивается присутствие «Папки Станьчика» на страницах солидной коллективной монографии, понадобилось как раз для того, чтобы лишний раз убедиться в недостаточной включенности этого интересного (пусть и специфического) источника в российскую историографию. При этом никто, кажется, не оспаривает того факта, что «Папка Станьчика» заложила идеологическую базу практической деятельности политической группировки, игравшей заметную роль в общественной и политической жизни Австрийской (Австро-Венгерской) монархии — и в автономной Галиции как ее составной части — вплоть до распада империи. Впрочем, такое состояние — отстраненное отношение к «Папке...» в нашей литературе — имеет объяснение, аналогичное тому, которое касалось краковских консерваторов, встречавшихся на страницах российской научной литературы гораздо реже, чем свидетельства о русско-польских революционных связях. На самом деле едкая политическая сатира по поводу Январского восстания явно входила в противоречие с транслируемым коллективным образом героев польского национально-освободительного движения. Так что данную статью надо расценивать как подступы к изучению этого значимого источника (в том числе с точки зрения уразумения — хотя бы в доступных пределах — ауры Станьчика), связавшего воедино «молодых» краковских консерваторов под впечатлением постигшего поляков несчастья.

Возвращаясь к ответу, сформулированному в самом начале статьи, еще раз можно подтвердить: конечно, «Папка Станьчика» есть рефлексия, возникшая во многом, думается, под воздействием Ю. Шуйского, основателя Краковской исторической школы, известного

⁵¹ Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 115–116.

⁵² Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 116.

не только как историк, политический деятель и публицист, но также как поэт, прозаик и литературный критик. К слову, в память о своем коллеге по перу и соавторе по памфлету историк литературы и литературный критик С. Тарновский в 1901 г. выпустил книгу «Юзеф Шуйский как поэт» (*Józef Szujski jako poeta*). Пожалуй, в заданном соавторами историческом контексте между рефлексией и иронией как между рефлексией и политическим реализмом не всегда заметишь большую разницу. Ироничный, порой язвительный тон памфлета выступает свидетельством той большой внутренней работы, которая была проделана соавторами, прежде чем они решились избрать подобный формат обращения к соотечественникам для разъяснения собственной позиции. Вместе с тем «Папка Станьчика» представляла собой также политическую программу — в том смысле, что предлагала польскому обществу переоценку ценностей (где во главе угла был отказ от повстанческой идеологии), иной взгляд на прошлое и настоящее, а также образ будущего. Но все-таки эта программа была не прямолинейным назиданием, а попыткой пробудить в соотечественниках стремление к самоанализу, и как следствие — желание поддержать новое направление. Сделав трансформированное прошлое главным героем современности, авторы памфлета решили поставить его на службу настоящему. В определенной мере признав свою несостоятельность, они искали поддержки у минувшего, скрываясь за спиной (за голосом) Станьчика, как их далекие предшественники при дворе Ягеллонов, не всегда способные публично выразить сомнение, и тем более — выступить с критическим замечанием от собственного имени. Вкладывая в уста легендарному Станьчику и другим участникам переписки собственные суждения о судьбах Польши, авторы памфлета словно вынуждали вымышленных героев разделить с ними ответственность за рекомендации своим растерянным соотечественникам. Однако рекомендации им тоже давались не без колебаний.

Не оттого ли один из корреспондентов выразил обеспокоенность, предположив, что его собеседник, не торопившийся ему ответить, «решил прервать весьма важную в политическом отношении переписку из-за того, что он не всегда согласен с его мнением»⁵³. Поскольку уверенности в избранном пути для реализации

⁵³ Teka Stańczyka. S. 39.

программы действий, рассчитанной на все общество, было явно недостаточно, авторы памфлета не пренебрегали разъяснительной работой. И поэтому терпеливо зывали: «Только припомните, в каком плачевном положении мы пребывали сразу после поражения великого дела 63 года, и сравните, каково наше нынешнее положение, быстро воспрянете духом»⁵⁴. Впрочем, достаточно взвешенная временами тональность перемежалась с пассажами, которые как раз и вызывали протест в рядах антагонистов станьчиков. Вот только один фрагмент из разговора Пана Петра с Паном Павлом. Поддерживая беседу, Пан Петр говорит:

Мы не то, что сегодняшние. Знаем мы себя по этим периодически проявляющимся симптомам: оглянуться не успеешь, как народ уже снова втянут в какое-то новое безумие, а ведь малейшая глупость легко, очень легко, переходит в глупость большую, ведь все развивается как снежный ком⁵⁵.

Далее следуют наставления, опирающиеся на печальный опыт и знание особенностей национального характера, указание на которые, что понятно, больно задевало соотечественников. Пан Петр был уверен:

Нам нельзя недооценивать даже единичные выходки, пропускать глупость даже немногочисленной группы, кретинизм отдельных индивидов, потому что в несчастных обстоятельствах, в которых мы находимся, учитывая наш национальный характер, наше прошлое и нашу прирожденную склонность совершать одни и те же ошибки, у нас и палка может выстрелить, если Господь Бог позволит⁵⁶.

Самокритика и временами прорывающийся в «Папке Станьчика» поток иронии несколько не противоречил патриотическому духу, которым он был проникнут, но не все современники оказались готовы сразу адекватно откликнуться на такую риторику. Поначалу авторов памфлета не спасало даже наименование, закрепившееся за этой политической группировкой, все будто разом забыли, что Станьчика издавна было принято считать символом патриотизма.

⁵⁴ Teka Stańczyka. S. 41.

⁵⁵ Ibid. S. 75.

⁵⁶ Ibidem.

В заключение можно лишь повторить: «Папку Станьчика» правомерно рассматривать и как рефлексию, и как политическую программу краковских консерваторов. Другое дело, что краткого утвердительного ответа, разумеется, недостаточно. «Папка Станьчика» — как социокультурный памятник эпохи смены идеологических ориентиров в польском обществе требует тщательного изучения, в том числе с помощью междисциплинарных методов историко-антропологических исследований.

Литература

- Аржакова 2016 — *Аржакова Л.* Еще раз о польском вопросе // *Częstochowskie teki historyczne*. 2016. Т. VI. S. 169–182.
- Булахтин 2006 — *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского ун-та, 2006. 301 с.
- Булахтин 2007 — *Булахтин М.А.* Краковские консерваторы и польские демократы в начале XX века: от конкуренции к партнерству // *Вестник Пермского университета*. 2007. Вып. 3(8). С. 24–34.
- Булахтин 2008 — *Булахтин М.А.* Краковские консерваторы и польский епископат Галиции: кризис взаимоотношений в начале XX века // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2008. Т. 59. № 16. С. 92–103.
- Булахтин 2009 — *Булахтин М.А.* Австрийский парламентаризм и «краковские консерваторы» накануне Первой мировой войны // *Вестник Пермского университета*. 2009. Вып. 1(8). С. 80–85.
- Долбилов, Миллер 2007 — *Долбилов М.Д., Миллер А.И.* Западные окраины в 1855–1862 гг. // *Западные окраины Российской империи* / под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 123–176.
- Дьяков (ред.) 1962 — *Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года* / под ред. В. А. Дьякова и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 611 с.
- Каштанова 2016 — *Каштанова О.С.* Польский вопрос в международной политике 1830-х — начала 1860-х гг. // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. С. 383–460.
- Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018 — *Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.: Очерки* / под ред. Л.А. Кирилиной, А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018. 406 с.

- Миллер (ред.) 1976 — Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / отв. ред. И. С. Миллер. М.: Наука, 1976. 601 с.
- Пышин, Спасович 1865 — *Пышин А. Н., Спасович В. Д.* Обзор славянских литератур. СПб.: В тип. О. И. Бакста, 1865. 536 с.
- Фалькович 1995 — *Фалькович С. М.* Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50–70-е годы XIX в.) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.) / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 135–162.
- Фалькович (ред.) 2001 — Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. 456 с.
- Фалькович 2002 — *Фалькович С. М.* Польское национально-освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом (конец XVIII — начало XX в.) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. / отв. ред. Б. В. Носов, Ю. Е. Ивонин. М.: Индрик, 2002. С. 228–242.
- Фалькович (ред.) 2016 — Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. 775 с.
- Фрейдзон (ред.) 1980 — Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1980. 606 с.
- Фрейдзон (ред.) 1981 — Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. 463 с.
- Шимчак 2017 — *Шимчак Д.* «Мы друг друга понимаем...»: Франц Иосиф и поляки в Галиции // Славяноведение. 2017. № 5. С. 3–13.
- Bernacki 2001 — *Bernacki W.* Wstęp. Stańczyk czasu przełomów // *Bobrzyński M.* Zasady i kompromisy. Wybór pism. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2001. S. VII–XLII.
- Bobrzyński, Jaworski, Milewski 1905 — *Bobrzyński M., Jaworski W. L., Milewski J.* Z dziejów odrodzenia politycznego Galicji 1859–1873. Warszawa; Kraków: Nakład G. Gebethnera i Wolfa, 1905. 517 s.
- Bobrzyński 2001 — *Bobrzyński M.* Stańczyk // *Zasady i kompromisy.* Wybór pism. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2001. S. 149–160.
- Dutka 2015 — *Dutka W.* Zapomniany stańczyk. Rzecz o Stanisławie Koźmianie (1836–1922). Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2015. 323 s.
- Gluszko 2007 — *Gluszko M.* Walka konserwatystów krakowskich z demokratami na łamach ich organów prasowych w okresie 1867–1895. Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne, 2007. 258 s.

- Dybiec 2004 — *Dybiec J.* Nie tylko szabłą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej. 1795–1918. Kraków: Tercja S. C., 2004. 354 s.
- Dziadzio 2007 — *Dziadzio A.* Wprowadzenie // Teka Stańczyka / oprac. A. Dziadzio, K. Grodziska. Kraków: Universitas, 2007. S. v–cii.
- Dziadzio 2016 — *Dziadzio A.* Galicyjski Sejm Krajowy wobec namiestnictwa w początkach ery konstytucyjnej w Austrii // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2016. Vol. XXV. 3. S. 261–276. doi: 10.17951/sil.2016.25.3.261
- Jaszczuk 1986 — *Jaszczuk A.* Spór pozytywistów z konserwatystami o przyszłość Polski. 1870–1903. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. 293 s.
- Kałabunowska 2017 — *Kałabunowska A.* Michała Bobrzyńskiego realistyczne spojrzenie na historię Polski na podstawie jego *Dziejów Polski w zarysie // Między sercem a rozumem: romantyzm i realizm w polskiej myśli politycznej* / red. A. Citkowska-Kimla, P. Kimla, E. Antipow, K. Konik. Kraków: AT Wydawnictwo, 2017. S. 171–184.
- Kieniewicz 1951 — *Kieniewicz S.*: [recenzja] Kazimierz Wyka. «TeKa Stańczyka» na tle historii Galicji w latach 1849–1869. Wrocław 1951 // *Przegląd Historyczny*. 1951. T. 42. Z. 1. S. 463–468.
- Kieniewicz 2002 — *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002. 597 s.
- Paczos 2009 — *Paczos S.* Państwo i naród w myśli politycznej polskich konserwatystów do 1939 roku. Kraków: Avalon, 2009. 335 s.
- Szlachta 2000 — *Szlachta B.* Polscy konserwatyści wobec ustroju politycznego do 1939 roku. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000. 472 s.
- Topolski 1968 — *Topolski J.* Metodologia historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 474.
- Walicki 2002 — *Walicki A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa: Prószyński i S-ka SA, 2002. 462 s.
- Wardzińska 2017 — *Wardzińska A.* Dwa spojrzenia na historię Polski. Polemika demokratów lwowskich Henryka Schmitta i Ludwika Wolskiego z przedstawicielem krakowskiej “nowej szkoły historycznej” Józefem Szujkim w latach 70. XIX wieku // *KLIO POLSKA. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*. 2017. T. 9. S. 7–31.
- Wyka 1951 — *Wyka K.* TeKa Stańczyka na tle historii Galicji w latach 1849–1869. Wrocław: Zakł. im. Ossolińskich, 1951. 226 s.

References

- Arzhakova, L. M., 2016. Eshche raz o pol'skom voprose [Once again about the Polish question]. *Częstochowskie teki historyczne*, VI, pp. 169–182. (in Rus.)
- Bernacki, W., 2001. Wstęp. Stańczyk czasu przełomów. In: Bobrzyński, M., ed. *Zasady i kompromisy. Wybór pism*. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, pp. vii–xlii.

- Bobrzyński, M., Jaworski, W. L., Milewski, J., 1905. *Z dziejów odrodzenia politycznego Galicji 1859–1873*. Warszawa; Kraków: Nakład G. Gebethnera i Wolfa, 517 p.
- Bobrzyński, M., 2001. Stańczyk. In: Bobrzyński, M., ed. *Zasady i kompromisy. Wybór pism*. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, pp. 149–160.
- Bulakhtin, M. A., 2006. *Mezhdú politikoí i moral'iu: krakovskie konservatory v nachale 20 veka* [Between politics and morality: the Cracow Conservatives in the early twentieth century]. Perm': Red.-izd. otd. Permskogo un-ta, 301 p. (in Rus.)
- Bulakhtin, M. A., 2007. Krakovskie konservatory i pol'skie demokraty v nachale 20 veka: ot konkurentsii k partnerstvu [The Cracow Conservatives and the Polish Democrats in the early twentieth century: from competition to partnership]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 3(8), pp. 24–34. (in Rus.)
- Bulakhtin, M. A., 2008. Krakovskie konservatory i pol'skii episkopat Galitsii: krizis vzaimootnoshenii v nachale 20 veka [The Cracow Conservatives and the Polish episcopate of Galicia: the crisis of relations in the early twentieth century]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*, 59, 16, pp. 92–103. (in Rus.)
- Bulakhtin, M. A., 2009. *Avstriiskii parlamentarizm i "krakovskie konservatory" nakanune Pervoi mirovoi voiny* [The Austrian parliamentarism and the "Cracow Conservatives" on the eve of the First World War]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 1(8), pp. 80–85. (in Rus.)
- D'íakov, V. A., ed., 1962. *Russko-pol'skie revoliutsionnye sviazi 60-kh godov i vosstanie 1863 goda* [The Russian-Polish revolutionary interaction in the 1860s and the insurrection of 1863]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 611 p. (in Rus.)
- Dolbilov, M. D., Miller, A. I., 2007. Zapadnye okrainy v 1855–1862 gg. [Western outskirts in 1855–1862]. In: Dolbilov, M. D., Miller, A. I., eds. *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 123–176. (in Rus.)
- Dutka, W., 2015. *Zapomniany stańczyk. Rzecz o Stanisławie Koźmianie (1836–1922)*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 323 p.
- Dybiec, J., 2004. *Nie tylko szabłą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej. 1795–1918*. Kraków: Tercja S. C., 354 p.
- Dziadzio, A., 2007. Wprowadzenie. In: Dziadzio, A., Grodziska, K. *Teka Stańczyka*. Kraków: Universitas, 2007, pp. v–xiii.
- Dziadzio, A., 2016. Galicyjski Sejm Krajowy wobec namiestnictwa w początkach ery konstytucyjnej w Austrii. *Studia Iuridica Lublinensia*, XXV, 3, pp. 261–276. doi: 10.17951/sil.2016.25.3.261
- Fal'kovich, S. M., 1995. Otnoshenie pol'skogo natsional'nogo dvizheniia k Avstriiskoi imperii i ideologii avstroslavizma v kontekste idei panslavizma i pangermanisma (50–70-e gody 19 v.) [The attitude of the Polish national movement to the Austrian Empire and the ideology of Austro-Slavism in the

- context of the ideas of Pan-Slavism and Pan-Germanism (from the 1850s to the 1870s)]. In: Fal'kovich, S. M., ed. *Iz istorii obshchestvennoi mysli narodov Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy (konets 18 — 70-e gody 19 v.)* [From the history of political thought of the peoples of Central and Eastern Europe (from the late eighteenth century to the 1870s)]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 135–162. (in Rus.)
- Fal'kovich, S. M., 2002. Pol'skoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie mezhdu panslavizmom i pangermanizmom (konets 18 — nachalo 20 v.) [Polish national liberation movement between Pan-Slavism and Pan-Germanism (from the late eighteenth to the early twentieth century)]. In: Nosov, B. V., Ivonin, Iu. E., eds. *Rossia, Pol'sha, Germaniia v evropeiskoi i mirovoi politike 16–20 vv.* Moscow: Indrik, pp. 228–242. (in Rus.)
- Fal'kovich, S. M., ed., 2001. *Evropeiskie revoliutsii 1848 goda. "Printsip natsional'nosti" v politike i ideologii* [European revolutions of 1848: The "principal of nationality" in politics and ideology]. Moscow: Indrik, 456 p. (in Rus.)
- Freidzon, V. I., ed., 1980. *Osvoboditel'nye dvizheniia narodov Avstriiskoi imperii. Vozniknovenie i razvitie. Konets 18 v. — 1849 g.* [Liberation movements of the peoples of the Austrian Empire. Origin and development. From the late eighteenth century to 1849]. Moscow: Nauka, 1980. 606 p. (in Rus.)
- Freidzon, V. I., ed., 1981. *Osvoboditel'nye dvizheniia narodov Avstriiskoi imperii. Period utverzhdeniia kapitalizma* [Liberation movements of the peoples of the Austrian Empire. The period when capitalism was established]. Moscow: Nauka, 463 p. (in Rus.)
- Glusko, V., 2007. *Walka konserwatystów krakowskich z demokratami na lamach ich organów prasowych w okresie 1867–1895.* Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne, 258 p.
- Jaszczuk, A., 1986. Spór pozytywistów z konserwatystami o przyszłość Polski. 1870–1903. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986, 293 p.
- Kałabunowska, A., 2017. Michała Bobrzyńskiego realistyczne spojrzenie na historię Polski na podstawie jego Dziejów Polski w zarysie. In: Citkowska-Kimla, A., Kimla, P., Antipow, E., Konik, K., eds. *Między sercem a rozumem: romantyzm i realizm w polskiej myśli politycznej.* Kraków: AT Wydawnictwo, pp. 171–184.
- Kashtanova, O. S., 2016. Pol'skii vopros v mezhdunarodnoi politike 1830-kh — nachala 1860-kh gg. [The Polish question in international politics from the 1830s to the early 1860s]. In: Fal'kovich, S. M., ed. *Mezh dvukh vosstanii. Korolevstvo Pol'skoe i Rossia v 30–50-e gody 19 v.* [Between two uprisings: The Kingdom of Poland and Russia from the 1830s to the 1850s]. Moscow: Indrik, pp. 383–460. (in Rus.)
- Khavanova, O. V., Kirilina, L. A., Stykalin, A. S., eds, 2018. *Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg. Ocherki* [Political parties and social movements in the Habsburg Monarchy, 1848–1914. Essays]. Moscow: Indrik, 406 p. (in Rus.)

- Kieniewicz, S., 1951. [recenzja] Kazimierz Wyka. "Teka Stańczyka" na tle historii Galicji w latach 1849–1869. Wrocław 1951. *Przegląd Historyczny*, 42, 1, pp. 463–468.
- Kieniewicz, S., 2002. *Historia Polski. 1795–1918*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 597 p.
- Miller, I. S., ed., 1976. *Ocherki revoliutsionnykh sviazei narodov Rossii i Pol'shi. 1815–1917* [Essays on the revolutionary interaction between the peoples of Russia and Poland. 1815–1917]. Moscow: Nauka, 601 p. (in Rus.)
- Paczos, S., 2009. *Państwo i naród w myśli politycznej polskich konserwatystów do 1939 roku*. Kraków: Avalon, 335 p.
- Pypin, A. N., Spasovich, V. D., 1865. *Obzor slavianskikh literatur* [Review of Slavic literatures]. Saint Petersburg: V tip. O. I. Baksta, 536 p. (in Rus.)
- Szlachta, B., 2000. *Polscy konserwatyści wobec ustroju politycznego do 1939 roku*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 472 p.
- Szymczak, D., 2017. "My drug druga ponimaem...": Frants Iosif i poliaki v Galitsii ["We understand each other ...": Francis Joseph and the Poles in Galicia]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 3–13. (in Rus.)
- Topolski, J., 1968. *Metodologia historii*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 474 p.
- Walicki, A., 2002. *Rosja, katolicyzm i sprawa polska*. Warszawa: Prószyński i S-ka SA, 462 p.
- Wardzińska, A., 2017. Dwa spojrzenia na historię Polski. Polemika demokratów lwowskich Henryka Schmitta i Ludwika Wolskiego z przedstawicielem krakowskiej "nowej szkoły historycznej" Józefem Szujkim w latach 70. XIX wieku. *KLIO POLSKA. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej*, 9, pp. 7–31.
- Wyka, K., 1951. *Teka Stańczyka na tle historii Galicji w latach 1849–1869*. Wrocław: Zakł. im. Ossolińskich, 226 p.

Larisa M. Arzhakova

Dr. Sc., Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii
Prospekt, 32A. E-mail: larjak@mail.ru

Stanczyk's Portfolio: reflection and/or political program of the Cracow conservatives

This article is devoted to the problem associated with the famous pamphlet “Stańczyk’s Portfolio” published in 1869 by the so-called Cracow conservatives, including the founder of the Cracow historical school, Józef Szujski. Firstly, the context in which the idea of the pamphlet was born and developed is considered. Special attention is paid to the comparison of fundamentally important terms — loyalism and “ugoda” (reconciliation), which are used in Polish and Russian scientific literature when talking about the attitude of Polish society to the power of the Austrian Emperor or the Tsar. The author believes that these terms cannot be considered identical. The author of the article describes the success of Polish historians in studying the history of Polish conservatism; in particular, the activities of the Cracow conservatives during the period of Galician autonomy. The article also describes the lag in Russian historiography in the study of Polish (Cracow) conservatism and such important sources as “Stańczyk’s Portfolio”. This landmark work not only conveys the atmosphere in which Polish society found itself after the defeat of the 1863 insurrection, reflecting on the fate of the Fatherland in the past and present, but also contains the ideological postulates of the Cracow conservatives, which makes it possible to perceive the pamphlet not only as a reflection, but also as a political program of the Cracow conservatives. Considering the pamphlet as a socio-cultural monument, the author emphasizes the prospects for its study using interdisciplinary methods of historical and anthropological research.

Keywords: Galicia, Cracow historical school, stanczyki, historical memory, Polonization, loyalists, reconciliation, organic labor

How to cite: Arzhakova, L. M., 2021. “Папка Стан’чика”: refleksii i/ili politicheskaia programma krakovskikh konservatorov. *Tsentral’noevropeiskie issledovania*, 2020, 3(12), pp. 165–187. doi: 10.31168/2619-0877.2020.3.8